

А.И. Кривенький

О доктрине международного частного права Н.П. Иванова

Работа Н.П. Иванова «Основания частной международной юрисдикции» посвящена становлению международного частного права в России. В ней автор рассматривает предпосылки зарождения международного частного права, показывает действие разноместных законов, формулирует некоторые коллизионные привязки, используемые для регулирования вещных и обязательственных прав, анализирует обстоятельства, при которых может применяться иностранное право. В статье показывается, что изложенные Н.П. Ивановым вопросы и составляют его вклад в развитие в России международного частного права во второй половине XIX века.

Ключевые слова: международная юрисдикция; юридическое состояние лиц; разноместные законы; вещное право; договор; теория приложения местного закона; форма договора.

В начале своего сочинения «Основания частной международной юрисдикции» [4] *Николай Павлович Иванов (1839–1903)* в качестве основной предпосылки зарождения и развития международного частного права (далее — МЧП) называет взаимное общение наций. Далее следует характеристика данной категории. Общение наций основывается на презумпции независимости государства. Для каждого государства это самое важное право, которое может сравниться только с личной свободой для человека. Основной задачей государства, по мнению Н.П. Иванова, является задача совершенствования человека. Но государство не всегда может предоставить человеку все возможности для его развития. Реальность такова, что для свободного развития и разумной деятельности человеку необходим открытый мир. Только в нем человек может хотя бы отчасти приблизиться к желанной цели своего развития и совершенствования.

Панегирик человеку, его правам, свободам и возможностям развиваться и совершенствоваться, надо полагать, Н.П. Иванов унаследовал от своего

учителя Д.И. Мейера, который, по воспоминаниям современников, слыл гуманистом и активно выступал за права человека и торжество социальной справедливости. Кстати, Н.П. Иванов не был одинок в то время в отстаивании справедливости, прав человека и его социального благополучия. В своем замечательном труде о юристах-международниках [2], многие из которых были известными дипломатами и государственными служащими, В.Э. Грабарь пишет об их бескорыстной деятельности по защите прав подданных своего отечества. Служение правде, справедливости для многих юристов того времени не было данью моде, но глубоким убеждением. Эти качества считались в их среде естественным состоянием ума. Об этом замечательно сказал выдающийся международник и дипломат, современник Н.П. Иванова Ф.Ф. Мартенс (родился на 15 лет раньше, а умер на 6 лет позже Н.П. Иванова): «Грубая сила никогда не восторжествует над правом и никогда не заглушит в нас чувства правды и справедливости» [2: с. 403].

В процессе взаимных отношений, замечает Н.П. Иванов, государства сами устанавливают и исполняют юридические правила по регулированию прав и обязанностей своих граждан, которые находятся за пределами своих государств. Поэтому и реализуются они публичными органами данных государств. По этой причине основные начала юрисдикции не могут быть, во-первых, аналогичными для законодательной и судебной власти и, во-вторых, для каждого государства в отдельности. Так, с точки зрения законодательной власти государства международное частное отношение, вне зависимости от места его возникновения или участия в нем определенного иностранного лица, должно регулироваться на основе того закона, к которому это лицо принадлежит, согласно своему фактическому составу.

В этой части своего сочинения Н.П. Иванов обращается к положению, сформулированному Ф.К. Савиньи, который полагал, что при вступлении государств во взаимное общение они обязаны признавать требования законов других государств. Да, это действительно так, соглашается Н.П. Иванов. Но необходимо учитывать, что это, как правило, зависит от законодательства конкретного государства. Международная коллизия будет разрешаться на основании иностранных актов только в том случае, когда существует прямое указание отечественного законодательства. Напротив, суд, являющийся официальным органом государственной власти, может применять иностранное законодательство по своему усмотрению, но с соблюдением доктринальных особенностей отечественного права.

Таким образом, суть основных начал частной международной юрисдикции состоит в том, что они всегда входят в компетенцию отдельных государств. Именно государство и никто другой, руководствуясь общими основаниями юридических международных отношений, которые, как правило, отражаются и на внутреннем законодательстве, решает, какой закон в каждом конкретном случае должен быть применен к трансграничному частному отношению — национальный или иностранный. В конкретном выражении проблему, в каком

случае должен быть применен собственный закон, а в каком — закон иностранный, решает только судья или иной правоприменительный орган.

Поговорив о сущности частной международной юрисдикции, Н.П. Иванов далее рассматривает юридическое состояние лиц, к которому относит семейные отношения, как личные, так и имущественные, опеку и право наследования. Все перечисленные выше отношения, по Н.П. Иванову, «определяются законом места жительства лица, т. е. законом его Отечества или политической национальности — *lex domicilii*» [4: с. 25]. Неизвестно, что подразумевал автор под категорией «политическая национальность» и тем более по какой причине приравнивает ее к месту жительства. По нашему мнению, приравнивание так называемой политической национальности к гражданству выглядело бы более убедительно. Но как бы то ни было, никаких сомнений нет в том, что в качестве принципа определения личного закона лица он выбрал принцип не континентальной системы, где уже во время жизни автора анализируемого сочинения применялся принцип подданства (гражданства), а принцип общего права — место жительства. В главном, однако, Н.П. Иванов был абсолютно прав: личный закон лица в международном частном праве является очень важным и часто применяемым принципом выбора права, т. е. весьма распространенной коллизийной привязкой.

В своем сочинении Н.П. Иванов при обосновании доктрины международного частного права довольно часто обращается к трудам Ф.К. Савиньи и К. Вехтера. Но в нем нет ни одной ссылки на доктрину С.П. Манчини о принципе национальности. Она определяла личный закон лица на основе принципа национальности как аналога гражданства. Несколько позже последователями С.П. Манчини он был окончательно определен как принцип гражданства (*lex patriae*), став аналогом личного закона лица в континентальном праве. Имеются основания считать, что учение С.П. Манчини было известно к тому времени и в российской правовой науке. Однако Н.П. Иванов по неизвестным нам причинам игнорирует доктрину национальности С.П. Манчини, склоняясь при определении личного закона лица к принципу общего права — месту жительства, а не к гражданству.

На основе домициля определяются все юридические отношения лиц и прежде всего дееспособность, замечает Н.П. Иванов, что отвечает принципу взаимного общения наций. Следовательно, Н.П. Иванов тесно увязывает все свои рассуждения в отношении юридического состояния лиц в МЧП с принципом взаимного общения наций. В этом есть своя логическая преемственность. Именно Н.П. Иванову, одному из первых в российской историографии МЧП, принадлежит формулировка доктрины взаимного общения наций, с которой на протяжении нескольких десятилетий российские юристы связывали развитие международного частного права как науки и отрасли права.

Но с идеей применения домициля, пишет далее Н.П. Иванов, при определении юридического статуса лица согласны не все юристы. Так, многие из них различают юридические свойства лица и юридические последствия

этих свойств. По мнению некоторых юристов, отечественный закон может определять только юридические свойства лица. Но сторонники такой точки зрения оказались в меньшинстве. Большинство высказывалось за применение отечественного закона не только при обсуждении юридических свойств лица, но и в отношении последствий таких свойств. Поэтому «...относительно юридического состояния лица в международной юрисдикции, — подводит итог Н.П. Иванов, — мы вполне принимаем одно общее правило: здесь должен действовать закон местожительства или закон политической национальности *lex domicilii*» [4: с. 30]. В случае же перемены домицилия изменяется и правоспособность лица. Данный вывод автор повторяет не единожды, так как для него он имеет ключевое значение при определении юридического состояния лиц в международном частном праве.

Показательно, что при изложении вещного права Н.П. Иванов обращается к теории статутов, которая в то время оставалась еще в почете. *Statuta realia*, т. е. закон, предназначенный для регулирования вещей, подчинял регламентацию всех юридических действий в отношении их закону местонахождения. В то же время в отношении движимых вещей применялся личный закон, т. е. закон страны, в которой лицо приобрело место жительства в соответствии с традицией общего права или гражданство по праву континентальному. Итак, поясняет Н.П. Иванов, в исторической ретроспективе в отношении вещного права приверженцы теории статутов пришли к двум началам: правовое регулирование недвижимой собственности подчиняется закону ее местонахождения (*lex rei sitae*), а движимой — личному закону (*lex persona*). Оба названных принципа выбора права получили закрепление в прусском, австрийском, французском, итальянском, нидерландском законодательствах, а определение права для недвижимого и движимого имущества на основе единого принципа *lex rei sitae* стало применяться в баварском законодательстве, законодательстве кантона Берна и судебной практике Луизианы [5: с. 40]. Словом, единое правило выбора применимого права для регламентации отношений с недвижимыми и движимыми вещами, которое в современном международном частном праве стало аксиомой, ведет свое начало со второй половины XIX века и является наследием теории статутов в науке международного частного права. Но поразительным является тот факт, что и в наше время в некоторых странах (Латинской Америки и др.) принцип личного закона в качестве коллизионной привязки используется для регулирования различного рода юридических действий в отношении движимых вещей.

Отметим тот факт, что сам автор сочинения о частной международной юрисдикции в отношении единого принципа выбора права при регламентации недвижимой и движимой собственности не определился. Но его попытки сравнить упомянутые принципы выбора права в отношении регулирования недвижимой и движимой собственности с аналогичными принципами, закрепленными в российском частном праве, имели принципиальное значение и, как показало будущее, стали важным вкладом в коллизионное право России.

Рассматривая обязательственное право в МЧП, автор указывает, что обязательство — *obligation* — это такая юридическая конструкция, из которой «...одно лицо получает право на известное действие другого лица» [4: с. 41]. Подчеркнув, что по вопросу частных обязательств в международной юрисдикции нет согласия между юристами, Н.П. Иванов говорит, что в отношении обязательств из договоров современные юристы подчиняют их *lex contractus* (месту совершения договора), породившего афоризм *locus regit actum* (место исполнения договора) [5: с. 41]. С тем, что закон места исполнения договора является определяющим, замечает автор, согласны К. Вехтер и Ф.К. Савиньи, хотя их аргументация по этому поводу расходится. Так, Ф.К. Савиньи считал, что место возникновения договора — случайное и проходящее явление. Отсюда следует: не закон места совершения договора, а закон места его исполнения должен применяться для регламентации и определения существенных условий контракта.

Однако мы не согласны, замечает Н.П. Иванов, с постановкой ими вопроса об автономии сторон (автономии воли. — *A. K.*) как основного принципа выбора права при договорных отношениях. И Ф.К. Савиньи, и К. Вехтер, замечает автор, при обсуждении регулирования договорных отношений исходят из принципа автономии сторон, но неизбежно приходят к противоположному результату. Так, если стороны высказались не в пользу закона места исполнения договора, то этот закон не может быть применен. Ведь автономия сторон предполагает, что право должно быть избрано на основе их добровольного согласия. А коль скоро закон места совершения договора наиболее известен сторонам, то он и будет применен для регулирования контракта [4: с. 43–44].

Затем Н.П. Иванов выделяет четыре вида обстоятельств, в отношении которых может быть заключен договор с наличием иностранного элемента, и формулирует вывод о своей приверженности принципу места исполнения договора для его регламентации. Исключением из этого правила является лишь тот случай, если судья руководствуется национальным законом. Тогда к договору применяется закон страны суда (*lex fori*) [4: с. 52].

Ссылаясь на К. Вехтера и Ф.К. Савиньи, Н.П. Иванов анализирует вопрос, на основании какого закона должна устанавливаться форма соглашений в международном частном праве. В ходе развития международного обмена в государствах мира формируются и существуют определенные формальности в отношении формы внешнего договора, от соблюдения которой зависит его действительность. Поэтому форма договора должна определяться на основе закона места его исполнения (*locus regit aktum*), что, собственно, и принято почти всеми европейскими государствами [4: с. 44].

В конце своего сочинения Н.П. Иванов обращается к анализу коллизионных привязок в отношениях, вытекающих из причинения вреда. Он критикует мнение на сей счет Ф.К. Савиньи и К. Вехтера, склонявшихся к применению национального закона, и высказывается в пользу закона страны места причинения вреда (*lex delikti commissi*). При этом автор указывает на наличие

исключения. Это случай, когда деликт произошел между гражданами одного государства. Тогда суд будет применять свое законодательство (*lex fori*) [4: с. 47].

Таковым в общих чертах представляется исследование Н.П. Иванова. По его собственному мнению, «...общие начала частной международной юрисдикции, или частного международного права, далеко еще не выработались в современной европейской практике» (курсив мой. — А. К.) [4: с. 53]. Это замечание Н.П. Иванова является верным и в отношении уровня развития науки международного частного права в России.

Свое исследование Н.П. Иванов выстраивает главным образом на комментариях трудов Ф.К. Савиньи и К. Вехтера, порою соглашаясь, а порою и не соглашаясь с ними. Кстати, Ф.К. Савиньи во многом не был согласен с доктриной коллизионного права К. Вехтера. Например, в том, что суд при решении дела с иностранным составом должен руководствоваться прежде всего *lex fori*. Тем не менее оба они по праву считаются родоначальниками классического международного частного права в континентальной правовой системе. Поэтому ничего удивительного нет в том, что Н.П. Иванов обращался именно к их работам и максимально использовал их доктрины при подготовке своего труда.

Труд Н.П. Иванова по международному частному праву отличается от самого первого в России очерка по международному частному праву, принадлежащего перу его учителя Д.И. Мейера, своими более совершенными суждениями по многим теоретическим вопросам. Вместе с тем Н.П. Иванов не всегда конкретен в своих самостоятельных суждениях. Довольно часто он переадресовывает читателю задачу самому делать выводы, что, впрочем, отвечало традициям того времени. Он старался быть беспристрастным в изложении как своей доктрины по международному частному праву, так и теоретических положений по нему, содержащихся в трудах известных ученых европейских государств.

Было бы несправедливым отказывать Н.П. Иванову в новых идеях и положениях российской доктрины международного частного права. Он добросовестно обосновал центральный теоретический и практический вопрос международного частного права о возможном действии иностранных законов на территории своего государства и новые по тому времени способы разрешения коллизий в ходе применения иностранного права. В его творческом подходе при изложении научных положений становления МЧП даже правильно поставленный вопрос имел не менее важное значение, чем ответ на него. Верно и то, что в большинстве случаев он формулирует вполне достойные ответы на актуальные для того времени вопросы. Он предугадал очень важное положение коллизионного права о том, что коллизии, возникающие между законами разных государств, чаще всего и разрешаются на основе национальных законодательств данных государств. Не менее ценным является и другое предвидение Н.П. Иванова. Коллизии между правовыми порядками могут разрешаться

и на основе согласованных между государствами так называемых унифицированных норм международных договоров, специально создаваемых для регламентации внутригосударственных частно-правовых отношений с иностранным элементом.

По-своему, на уровне науки коллизионного права своего времени, Н.П. Иванов изложил «теорию охранения законно приобретенных прав», «теорию приложения местного закона», «теорию лица — субъекта данного юридического отношения». С точки зрения стиля изложения проблем международного частного права, характеристики позитивных и негативных сторон идей и учений своих западноевропейских предшественников Н.П. Иванову можно предъявить претензии в некоторой догматичности подхода.

Но историческое значение труда Н.П. Иванова серьезно нивелирует названные недостатки. По оценке известного юриста, дипломата и общественного деятеля России Б.Э. Нольде, дата обнародования труда Н.П. Иванова стала определяющей, т. е. ее можно считать годом рождения международного частного права в России [5: с. 11]. В.П. Звеков распространил эту позитивную оценку и на учителя Н.П. Иванова. «С исследованиями Н.П. Иванова и Д.И. Мейера, — пишет он, — связывается зарождение отечественной науки международного частного права» [3: с. 15]. Действительно, Н.П. Иванов — один из учеников Д.И. Мейера — пионера МЧП в России — навсегда останется автором, которому принадлежит первенство введения в научный оборот категории «международное частное право». Под таким названием и протекало в дальнейшем в России развитие МЧП как науки, отрасли права и учебной дисциплины.

Литература

1. *Вольф М.С.* Международное частное право / под общ. ред. и с пред. Л.А. Лунца. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1948. 701 с.
2. *Грабарь В.Г.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Зерцало, 2005. 847 с.
3. *Звеков В.П.* Международное частное право. 2-е изд. М.: Юрист, 2004. 701 с.
4. *Иванов Н.П.* Основания частной международной юрисдикции // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1865. С. 136–188.
5. *Нольде Б.Э.* М.И. Брун и наука международного частного права в России // Вестник гражданского права. Петроград. 1917. № 3–5 (март – май). С. 5–25.

Literatura

1. *Wolf M.S.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo / pod obshh. red. i s pred. L.A. Luncza. M.: Izd-vo inostr. lit-ry', 1948. 701 s.
2. *Grabar' V.G.* Materialy' k istorii literatury' mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917) M.: Zerczalo, 2005. 847 s.
3. *Zvekov V.P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. 2-e izd. M.: Yurist, 2004. 701 s.

4. *Ivanov N.P.* Osnovaniya chastnoj mezhdunarodnoj yurisdikcii. Ucheny'e zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1865. S. 136–188.

5. *Nol'de B.E.* M.I. Brun i nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava v Rossii. Vestnik grazhdanskogo prava. Petrograd. 1917. № 3–5. (mart – mai) S. 5–25.

A.I. Krivenky

On the Doctrine of Private International Law by N.P. Ivanov

Work by N.P. Ivanov «Foundations of Private International Jurisdiction» is devoted to the formation of international private law in Russia. The author examines the causes of the emergence of international private law, shows the effect of various local laws, formulates some connecting factors used to regulate property and liability rights, analyzes the circumstances under which foreign law can be applied. The article shows that issues outlined by N.P. Ivanov make up his contribution to the development of international private law in Russia in the second half of the nineteenth century.

Keywords: international jurisdiction; legal status of persons; various local laws; property law; contract; theory of local law application; contract form.